

Авдеев Олег Константинович

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПЕССИМИЗМА (АРТУР ШОПЕНГАУЭР, ЭДУАРД ФОН ГАРТМАН) В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Статья посвящена истории восприятия традиции пессимистической философии представителями русской консервативной мысли К. Н. Леонтьевым и П. Е. Астафьевым. Рассмотрены история появления произведений Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана в России, тексты отечественных мыслителей, связанные с философией немецкого пессимизма, особенности изложения, способы критики ими этой философии и её общая оценка. На основе анализа тематических работ и общих философских и социальных взглядов К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева делаются выводы о причинах различного восприятия немецкого пессимизма: первым - как позитивно, а вторым - как негативно оцениваемого феномена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/9/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (111). С. 17-20. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

приводит его к жесткой оценке идейного наследия последнего, в основном на почве недостаточной последовательности и законченности мысли и изложения, а не ограничивается обвинениями в «личной безнравственности». Отношения же Леонтьева и Астафьева, возникшие на фоне взаимного печатного признания ценности взглядов и прошедшие через этап довольно продолжительной дружбы, позже были испорчены сперва негативом от постоянных споров, а затем – переходом на личности в печатной полемике. В конечном итоге, несмотря на значительную общность взглядов, их дружба завершилась отчасти из-за взаимного непонимания, отчасти из-за фундаментального противоречия в понимании роли наций и национальности в историческом процессе.

Список литературы

1. **Замараев Г. И.** Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2-х кн. СПб.: Издательство РХГИ, 1995. Кн. I. С. 200-207.
2. **Козырев А. П.** Должны быть и разномыслия // Новая Европа. 1997. № 11. С. 119-124.
3. **Леонтьев К. Н.** Избранные письма: 1854-1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 637 с.
4. **Леонтьев К. Н.** Кто правее?: письма к В. С. Соловьёву // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 57-179.
5. **Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870-1894.** СПб.: Об-во Толстовского музея, 1914. 478 с.
6. **Прасолов М. А.** Два консерватизма: П. Е. Астафьев и К. Н. Леонтьев // Консерватизм в России и мире: в 3-х ч. Воронеж: Изд. ВГУ, 2004. Ч. 2. С. 29-67.
7. **Розанов В. В.** Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 475 с.

**PERSONAL AND IDEOLOGICAL RELATIONS BETWEEN REPRESENTATIVES
OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONSERVATISM**

Avdeev Oleg Konstantinovich, Ph. D. in Philosophy
Lomonosov Moscow State University
epoha@list.ru

The article is devoted to the history of Russian philosophical conservatism of the second half of the XIX century by the example of K. N. Leontiev, N. N. Strakhov and P. E. Astafiev in the context of their personal mutual relations. The author considers both the reviews of the representatives of this stream about each other in philosophical and publicistic texts and in their epistolary heritage and evaluations of contemporaries and researchers; substantiates the ideological unity of the stream, which was realized by its representatives in spite of radical dissimilarity of characters and personal traits that led both to the lack of understanding and to open hostility.

Key words and phrases: history of Russian philosophy; K. N. Leontiev; N. N. Strakhov; P. E. Astafiev; N. Ya. Danilevsky; conservatism; organicism; personality.

УДК 1(091); 141.201; 141.22; 141.145; 1.128; 329.11

Философские науки

Статья посвящена истории восприятия традиции пессимистической философии представителями русской консервативной мысли К. Н. Леонтьевым и П. Е. Астафьевым. Рассмотрены история появления произведений Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана в России, тексты отечественных мыслителей, связанные с философией немецкого пессимизма, особенности изложения, способы критики ими этой философии и её общая оценка. На основе анализа тематических работ и общих философских и социальных взглядов К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева делаются выводы о причинах различного восприятия немецкого пессимизма: первым – как позитивно, а вторым – как негативно оцениваемого феномена.

Ключевые слова и фразы: история русской философии; К. Н. Леонтьев; П. Е. Астафьев; А. Шопенгауэр; Э. фон Гартман; пессимизм; консерватизм; христианство; воля; эвдемонизм; прогресс; прогрессизм.

Авдеев Олег Константинович, к. филос. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
epoha@list.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПЕССИМИЗМА (АРТУР ШОПЕНГАУЭР, ЭДУАРД ФОН ГАРТМАН)
В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

Не подлежит сомнению, что популярность немецкой философии в России и её влияние на образованные слои населения в XIX веке были огромны. Книги немецких философов читались в оригинале, переводились, изучались, становились предметом обсуждения в разнообразных кружках. Лучше всего изучена в этом аспекте история восприятия в России немецкой классической философии (сообразно с которой в русской философии выделяют следующие течения: русское лейбнианство, кантианство, шеллингианство и т.п.), а также, по понятным причинам, марксистских текстов.

Однако имеют научное значение и другие влияния, например, влияние взглядов Фридриха Шлейермахера, Эдмунда Гуссерля или Артура Шопенгауэра. Особый интерес для исследователя представляет влияние, оказанное

философией немецкого пессимизма (Шопенгауэр, Эдуард фон Гартман и др. авторы) на русскую консервативную мысль, – не только потому, что тема эта специально не рассматривалась, но и в силу того, что в текстах К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева, двух условных единомышленников (несмотря на публицистическую ссору, начавшуюся с неверного понимания и кончившуюся переходом на личности: «Я говорю одно, а он говорит совсем о другом. Он меня понял до того уже превратно, что читаешь и глазам не веришь...» [8, с. 70], – писал о ней К. Н. Леонтьев Вл. С. Соловьёву), немецкий пессимизм отразился прямо противоположным образом.

Философия пессимизма была представлена в России и имела своих последователей и критиков. Книги её представителей были доступны для читателей, постепенно делались переводы. Так, первый перевод Шопенгауэра был сделан в 1881 году поэтом А. А. Фетом [13]. История влияния Шопенгауэра на Фета и Л. Н. Толстого хорошо изложена в диссертации М. А. Моница «Толстой и Фет: два прочтения Шопенгауэра» [11]. Он же называет среди подвергшихся влиянию Шопенгауэра других писателей: И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. П. Чехова.

Не остался без внимания философствовавшей публики и Эдуард фон Гартман. В 1873 году философом-персоналистом А. А. Козловым была издана «Философия бессознательного» [5], способ публикации которой определяется как «полное изложение с присоединением предисловия, введения и критической оценки системы». Издавались и другие труды Гартмана, многие из которых не имели, впрочем, прямого отношения к философии. Так, в 1887 году вышел его труд «Спиритизм» [4] в переводе А. М. Бутлерова, посвященный тому, как следует научно изучать феномен спиритизма, к которому сам Гартман относился достаточно скептически и считал родственным сомнамбулизму.

Будучи профессиональным философом и психологом, Астафьев встретил моду на философию немецкого пессимизма «в штыхы» и посвятил полемике с Шопенгауэром и Гартманом, а также А. Тауберт и Ю. Банзеном одну из своих работ – брошюру «Страдание и наслаждение жизни».

В разбросанном по разделам брошюры изложении концепций немецкой пессимистической философии Астафьев описывает эту систему взглядов в виде ряда последовательных этапов становления и исторического развития – от ранних, бытовых форм через менее последовательные к более последовательным. У истоков направления он видит субъективный пессимизм личного настроения, началом философизации пессимизма считает творчество Шопенгауэра, в котором «пессимизм личного настроения соединяется в одном лице с гениальным умом, подтверждающим внушения мрачного темперамента обширною массою тонких наблюдений над явлениями жизни и – тем более – философски сводящим их к одному яркому по безотрадности своей итогу» [2, с. 42]. Более последовательной он полагает философию Гартмана, которого, впрочем, называет «эксплуататором» учения «гениального» Шопенгауэра. Вот как он излагает логику Гартмана: «Бытие, для пессимизма по самому существу своему, есть – зло *потому*, что оно одарено сознанием, – потому, что, *пока оно одарено сознанием*, оно представляет одну непрерывную цепь страданий» [Там же, с. 38]. С развитием сознания все несчастнее и несчастнее для нас становится жизнь, все больше открываются наши глаза на то, что она есть сплошное несчастье. И, в результате, «коллективное самоубийство всего живущего и сознающего бедственность своей жизни – вот естественное логическое заключение этого ряда мыслей» [Там же].

Астафьев подчеркивает, что кроме осуждения всякого бытия, Гартманом движет и идея прогресса сознания, которой не было у Шопенгауэра, или, по крайней мере, она не была проблематизирована последним. По мнению Астафьева, «чудовищная фантазия Гартмана о космическом самоубийстве через самоуничтожение сосредотачивающего в себе все мировое сознание человечества гораздо последовательнее <...> чем осуждение самоубийства <...> у Шопенгауэра» [Там же]. Наиболее последовательную версию пессимизма Астафьев обнаруживает у Ю. Банзена. Гартман (и другие пессимисты, среди которых Астафьев упоминает также Агнессу Тауберт) сохраняет некоторую положительную ценность за сознанием, хотя оно, по его собственному признанию, и есть главный источник субъективного страдания. Они признают интеллектуальные и эстетические наслаждения, а также роль сознания в разрушении иллюзий. Банзен же «не верит и в этот последний “добрый” плод сознания, а потому и придает ему одну отрицательную ценность» [Там же, с. 41].

Наряду с описанием философии пессимизма в работе Астафьева присутствует её критика – не как суммы трех учений, а через разбор исходных посылок и неизбежных последствий.

Первым направлением критики является то, что философы-пессимисты утверждают, что они рассматривали лишь эвдемонологическую точку зрения, не касаясь эстетической, нравственной и прочих, в то время как из их теории делается вывод об отрицании мира и благости небытия в целом. Но, по словам Астафьева, ошибочно отделять страдания и наслаждение от истины, добра и красоты. «Нет явлений или состояний этой жизни и чувства, безразличных логически, этически, эстетически и т.п., как нет и состояний этой жизни и чувства, безразличных эвдемонологически» [Там же, с. 52]. Стоит лишь признать за любовью, например, эстетическое (то, что вдохновляло Данте, Шекспира, Пушкина), нравственное (как освящающее и оправдывающее жизнь человека явление), даже гносеологическое (как приобщение к неким тайнам бытия) значение, и она будет перевешивать мир, исполненный страданий. Стоит признать за миром вообще эти три ценностных аспекта, и они смогут искупить его эвдемонологические недостатки.

Во-вторых, Астафьев критикует пессимистическую метафизику за нелогичность: в частности, за парадоксальность понятия «премудрого» и «непогрешимого» Бессознательного, безумная воля которого наперекор премудрости и всемогуществу создала абсурдный и глупый мир.

Наконец, с практической точки зрения, по Астафьеву, некие черты пессимизма, которые «пессимистически настроенными» верующими могут быть восприняты как истина, не имеют никакого отношения к обычным религиям (кроме буддизма). Он отмечает несовместимость религиозного духа с пессимизмом, ведь первейший акт веры – молитва, в которой есть не только прошение, но и благодарение, а пессимизм как полное отрицание бытия – это возмущение против Творца.

В отличие от П. Е. Астафьева, К. Н. Леонтьев не занимался изучением немецкого пессимизма как философского направления и не пытался его опровергать. Тем не менее, теории Шопенгауэра и, в особенности, Гартмана, вызывали у него живой интерес. Во многих своих статьях он упоминает их между делом или в качестве примеров. Так, например, в статье «Чем и как либерализм наш вреден?» он включает пессимиста в чашечный им состав земского собрания: «для пояснения нашей мысли вообразим себе следующий состав земского уездного собрания: богатые помещики – покойный Иван Васильевич Киреевский и недавно скончавшийся престарелый граф Игнатъев (1-й), у которого в Петербурге была домовая церковь; один очень умный молодой человек самого новейшего, последнего стиля, которому уже в Московском университете опротивели более чем либеральные товарищи (они ведь так неинтересны), он любит Шопенгауэра и Гартмана, поэтому пессимист для всего человечества и в благоденствие не верит; потом три кушца – староверы...» [10, с. 173-174].

Более того, по собственному признанию, Леонтьев планировал написание романа «из современной русской жизни: – действие будет происходить *третьего и прошлого* года в Петербурге и его окрестностях. – Вы понимаете? – Будет там спиритизм, Православие, немного (вдали) нигилизм, – Гартман и Шопенгауэр, Цертелев и многое другое» [9, с. 907]. В различных письмах он также отмечал, что пишет роман «в самом пессимистическом духе и антилиберальном вместе с тем» [Там же, с. 909], что в романе «*пессимист а la* Гартман перейдет в искреннее Православие» [Там же, с. 912], характеризует главного героя следующим образом: «человек этот задумал научно доказать, что так нельзя, прогресс уже потому не серьезная вещь, что рано или поздно гибель человечества, т.е. “светопреставление” неизбежно» [Там же, с. 911]. К несчастью, роман, описанный в приведенных фрагментах писем К. А. Губастову, Т. И. Филиппову, о. И. Фуделю, не был окончен, от него сохранился лишь фрагмент третьей главы в копии М. В. Леонтьевой. Однако уже в этом небольшом отрывке очень много фатализма и пессимизма в речах главного героя, а в конце фрагмента грек Маврокорда-то находит записку, адресованную главному герою, машинально пролистывая томик Шопенгауэра.

Приведенные цитаты, во-первых, свидетельствуют об интересе Леонтьева к данному философскому направлению. Во-вторых, уже из этих нередких упоминаний и набросков сюжета романа можно понять, какое именно значение придавал Леонтьев пессимистической философии, как оценивал ее.

Но в полной мере раскрывает он свои воззрения на этот вопрос в статье, название которой, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к данной проблеме – «Как надо понимать сближение с народом?», – опубликованной в «Варшавском дневнике». Если первая часть статьи посвящена теме, приведенной в ее заголовке, то вторая – рассмотрению философии Гартмана и ее сравнению с философией прогресса. Подобный переход при этом выдержан в рамках развития одной логической линии.

Изначальный тезис статьи – пресловутое «сближение с народом» – необходим, но не в том виде, в котором это предлагается многими мыслителями и идеологами. В народе действительно жив христианский дух, которого больше нет в «господах», однако просто копировать народные быт и нравы бессмысленно, ибо они загубели, напротив, «спасение наше не в *практическом*, а в *идеальном* сближении с простолудином нашим; то есть, говори яснее и проще, в *подражании мужику*, в *развитом восстановлении* его идеалов, верных и абсолютных, но *загубелых* и потому не всегда ясных даже ему самому» [7, с. 163]. В числе этих идеалов он называет не только бескорыстную любовь к Царю, но и то, что мужик «не только молясь в Церкви, но даже и сидя в кабаке, уже тем умен и хорош, что он в *прогрессе* не верит» [Там же, с. 165]. Напротив, ему присущ философский и религиозный пессимизм.

Пессимизм в целом (как универсальное понятие, не тождественное конкретным философским системам) Леонтьев определяет как учение, полагающее, что «*зло должно быть* и, кто знает, может быть, *все* на земле *идет к худшему*, например, к разрушению» [Там же, с. 166], противопоставляя его «прогрессивно-эвдемоническому» или «поступательно-благоденственному» оптимизму. По мнению Леонтьева, все крупные культуuroобразующие религии были учениями пессимизма, они узаконивали страдания и неправды земного бытия, в религиозных обществах ни государство, ни отдельные граждане никогда не пытались строить всеобщее счастье и блаженство. Тем более «все христианские мыслители были тоже своего рода пессимистами» [Там же, с. 167]. В целом, христианское мировоззрение Леонтьев характеризует как «оптимистический пессимизм», подробно разбирая известный фрагмент из книги Блаженного Августина «О граде Божием», где тот утешает христиан разграбленного города и находит, что и увод в плен, и непогребение убитых, избие-ние, ограбление жителей города и даже изнасилование молодых христианок были полезным опытом, лечашим от гордости за свое целомудрие, любви к богатствам и прочих грехов. Христианство содержит учение о неслучайности и пользе страдания, о том, что «*воцарение на земле постоянного мира, благоденствия, согласия, общей обеспеченности и т.д.*, то есть именно того, чем задался так неудачно демократический прогресс, было бы *величайшим бедствием в христианском смысле*» [Там же, с. 169].

С религиозным пессимизмом Леонтьев сопоставляет пессимизм западный, который он понимает опять же в первую очередь как «мужественное и честное неверие в благоденственную спасительность прогресса» [Там же]. Его цитаты из Гартмана существенно отличаются от подборки Астафьева: Леонтьева больше интересуют не описания мирового страдания, а учение о прогрессе.

В пессимизме Шопенгауэра и Гартмана Леонтьев выделяет две стороны: «отрицательную» (отрицание прогресса) и «положительную» (конкретное содержание учений, включая концепцию всеобщего самоубийства Гартмана). Отрицательная сторона, по мнению Леонтьева, правильна и полезна. Напротив, положительная сторона учения, хотя и неверна, но абсолютно безвредна. Утверждение Гартмана о том, что разочарование в плодах прогресса приведет к обращению к религии и мистике верно, но обратятся люди отнюдь не к созданному им слепому и безличному Богу.

Итог проповеди пессимистической философии, по Леонтьеву, может быть совсем иной: «На почве, глубоко *расчищенной* учением пессимизма, могла бы свободно произрастать и приносить свои прекрасные плоды какая угодно *положительная религия*; ибо на одном печальном *отрицании* всех благ – и *земных*, и *загробных* (как предлагает Гартман) – кто же станет долго жить? <...> Его учение дорого только как *приготовительное средство* для тех несчастных людей, которые прямо *истин веры принять не в силах!*.. За пессимизмом в науке, в педагогике, в литературе последует вера; за верой – *послушание и дисциплина*; за верой и *послушанием Церкви и властям – независимость национального духа!*..» [Там же, с. 173].

Впрочем, Леонтьев описывает и альтернативные варианты. В случае если эгалитарный прогресс неостановим, пессимистический выбор человечеством небытия предпочтителен и вполне возможен. Либо, если исторический процесс обернется торжеством «азиатцев» или каких-то других новых культур над Европой, пессимизм окажется последней философией умирающей культуры, плоды которой пригодятся мыслителям будущих культур.

Сходства и различия в интерпретации двух мыслителей симптоматичны и соответствуют их собственному философскому настроению, а также тому ракурсу, с которого раскрывалось им христианское вероучение.

Астафьев обращается к пессимизму как психолог и религиозный (притом лично верующий) философ, в своих сугубо метафизических работах ссылавшийся на онтологию Отцов Церкви (что позволило современному исследователю Н. П. Ильину зачислить его в «русский тип христианской философии» [6, с. 11], а по мнению Л. А. Тихомирова, «его философские работы, чрезвычайно оригинальные, составляют прямое осуществление мечтания Киреевского о “новой философии”, на той самой основе, которую указывал Киреевский – византийской и, так сказать, “святоотеческой”» [12, с. 929]). Видя противоположность пессимистических учений христианству, он пытается «защитить» религиозное мировоззрение от него, как в других работах защищает от материализма или этического обмирщения, отставив особые задачи религии – «личные отношения человека не к членам своего земного общества и наличному опытному миру, а к самому трансцендентному миру и к Богу! Никакими нравственно-социальными задачами и подвигами в опытном мире эти отношения не заменяются и не осуществляются» [3, с. 366]. Стоит отметить, что с той же конечной целью защиты религии Астафьев противостоит Шопенгауэру и в другой своей работе – «К вопросу о свободе воли» [1].

Для Леонтьева несовместимость философского пессимизма и христианского «оптимистического пессимизма» не менее очевидна, но он рассматривает новомодное учение «политически», как возможное орудие против эвдемонистического прогрессизма и эгалитарного либерализма, борьбе с которыми, угрожающими христианству и культуре, он и посвятил свое творчество. И немецкий пессимизм оказывается с этого ракурса скорее возможностью, чем угрозой.

Список литературы

1. Астафьев П. Е. К вопросу о свободе воли. М.: Тип. А. Гатцука, 1889. 92 с.
2. Астафьев П. Е. Страдание и наслаждение жизни. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 70 с.
3. Астафьев П. Е. Философия нации в единстве мировоззрения. М.: Москва, 2000. 544 с.
4. Гартман Э. фон. Спиритизм / пер. с нем. А. М. Бутлерова. СПб.: Издание А. Н. Аксакова, 1887. 4+IV+160 с.
5. Гартман Э. фон. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного Э. фон Гартмана. Полное изложение с присоединением предисл., введ. и критической оценки системы А. А. Козлова. М.: Типография Грачёва и К^о, 1873. Вып. 1. 322 с.; М.: Типография Грачёва и К^о, 1875. Вып. 2. 431 с.
6. Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. 608 с.
7. Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом? // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 7. Кн. 2. С. 156-179.
8. Леонтьев К. Н. Кто правее?: письма к В. С. Соловьёву // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 57-179.
9. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2003. Т. 5. 931 с.
10. Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К. Н. Избранное. М.: Рарог; Московский рабочий, 1993. С. 169-186.
11. Мониин М. А. Толстой и Фет: два прочтения Шопенгауэра: дисс. ... к. филос. н. М.: МГУ, 2001. 171 с.
12. Тихомиров Л. А. Славянофилы и западники в современных отголосках // Русское Обозрение. 1892. № 10. С. 908-929.
13. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. А. Фета. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. 490 с.

REPRESENTATION OF PHILOSOPHY OF PESSIMISM (ARTHUR SCHOPENHAUER, EDUARD VON HARTMANN) IN PHILOSOPHICAL CONCEPTIONS OF RUSSIAN CONSERVATISM

Avdeev Oleg Konstantinovich, Ph. D. in Philosophy
Lomonosov Moscow State University
epoha@list.ru

The article is devoted to the history of the perception of the pessimistic philosophy tradition by the representatives of Russian conservative thought K. N. Leontiev and P. E. Astafiev. The author considers the history of Arthur Schopenhauer's and Eduard von Hartmann's works appearance in Russia and the texts of native thinkers related to the philosophy of German pessimism, especially the presentation, methods of this philosophy criticism and its overall evaluation. Basing on the analysis of the thematic works and general philosophical and social views of K. N. Leontiev and P. E. Astafiev the conclusions are made about the reasons for different perception of German pessimism: as a positively evaluated phenomenon by the former, and as a negatively evaluated phenomenon by the latter.

Key words and phrases: history of Russian philosophy; K. N. Leontiev; P. E. Astafiev; A. Schopenhauer; E. von Hartmann; pessimism; conservatism; Christianity; will; eudemonism; progress; progressivism.